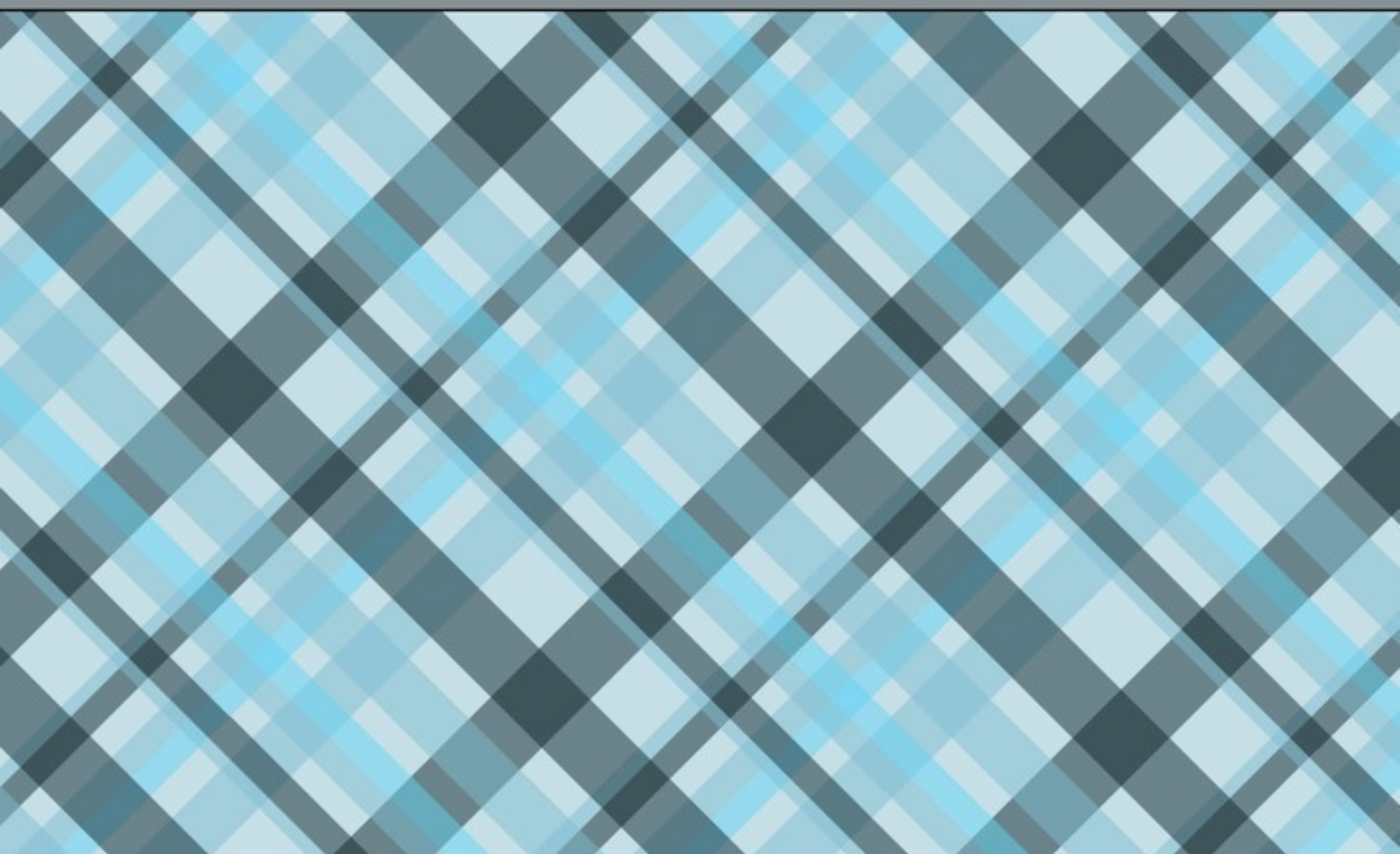

Надежда Осипова

*Эссе и рассказы,
победившие в
международных и
российских
литературных
конкурсах*

Надежда Осипова

**Эссе и рассказы, победившие в
международных и российских
литературных конкурсах**

«Издательские решения»

Осипова Н.

Эссе и рассказы, победившие в международных и российских литературных конкурсах / Н. Осипова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904532-4

Каждый автор, отсылающий на литературный конкурс собственное творение, втайне желает победить. Не отыскав свою фамилию среди финалистов, а затем внутренне пережив очередную неудачу, начинает размышлять о формуле литературного успеха. Хотя возможно, что никто не знает, как надо писать, чтобы победить в конкурсе. Но ведь побеждают! И не по одному случайному разу! Может, тогда стоит познакомиться с рассказами-победителями?! И уже на их готовом примере распознать свой кратчайший путь к успеху...

ISBN 978-5-44-904532-4

© Осипова Н.

© Издательские решения

Содержание

Через преодоления к победам	6
Живое слово Алексея Решетова	9
Мой долгий путь к пониманию Шукшина	12
Фёдор Иванович Тютчев – мыслитель Мироздания	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Эссе и рассказы, победившие в международных и российских литературных конкурсах

Надежда Осипова

© Надежда Осипова, 2018

ISBN 978-5-4490-4532-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Через преодоления к победам

Рассказ опубликован по итогам конкурса о людях, круто изменивших свою жизнь, в августе 2014 г. в №16 Всероссийской газеты «50 ПЛЮС. Все плюсы зрелого возраста», 30 тысяч экз.

Места, где я живу, дивные, – могучая тайга и болота на тысячи километров, широкий Енисей, резкий характер и переменчивое настроение которого я и двух дней кряду не наблюдала схожими. Он то забавляется малыми блистающими волнами как игривый котёнок, то спокойно и задумчиво всматривается в лазоревое небо, а иногда к нему и подступить страшно, так неистово и сердито швыряет он пенные валы на песчаные берега, но чаще всего – это неустанный работяга, гоняющий по своим водам суда и баржи к людям.

Природа на моей родине не только очень красивая, она суровая. Нескончаемая зима с пятидесятиградусными морозами, мошка и комары летом. Безденежная безнадёга, простор и воля. Обычные люди здесь не живут. А живут либо гады, либо святые с героями вперемешку. И в моей жизни тоже всё настоящее, потому что одолеть день с раннего трудового утра до усталого вечера человеку в этой местности бывает крайне тяжело.

Так вышло, что пятнадцать лет я вытаскивала из болезни младшего сына, – бессонные ночи, больницы – всё это в порядке вещей для матери, когда, собственно, и не разберёшь, кто ты для своего ребёнка, не то медсестра, не то доктор, не то друг с учительницей: в школу Михаил почти не ходил, сама его учила по всем предметам. Потом ещё долгих десять с половиной лет выхаживала мужа – инсульт, инфаркт, онкология. В перерыве как-то умудрилась закончить юридический техникум, но не одна, а с обоими сыновьями получили по красному диплому. Младшему тогда исполнилось 17 лет, а техникум он осилил за полгода, с моей помощью, конечно. Вот такая арифметика.

Сейчас мои сыновья оба кандидаты наук. Старший Алексей – кандидат юридических наук, а младший Михаил – кандидат философских наук, защищал диссертацию в Москве в МГУ имени Ломоносова, то есть уровень его работы был высоким.

Не могу сказать, что и меня болезни обошли стороной, я ведь себя не щадила, а потому и надорвалась. Когда заболела, старалась не сдаваться. Но примерно через полгода всё же дошла до постельного состояния: это путь к здоровью долгий, а болезнь засасывает очень быстро. Лечение не помогало, я быстро теряла силы. Настало время, когда моим постоянным лечащим врачом остался только кот Кузьма Васильевич. Однажды вечером ко мне подошёл младший сын Михаил. Он думал, что я сплю, а потому позволил себе плакать. Его слёды капали на моё лицо... они прожигали насквозь... и это было страшно... В тот вечер я дала себе клятву выздороветь вопреки всем диагнозам и человеческим приговорам заодно. И не только. Я захотела также изменить и жизнь семьи к лучшему, шаг за шагом. И начала бороться. Всё получилось. Через некоторое время прорезалась даже тяга к творчеству.

В 2005 году в 50 лет я издала первую книгу – «Улыбка волчицы» – совместный с сыном Михаилом сборник рассказов, к слову сказать, он у меня тоже член Союза российских писателей. В 2006 году после смерти мужа я с горя поступила в Литературный институт имени Горького, на семинар прозы. Все шесть лет руководил семинаром Варламов Алексей Николаевич. Мне исполнился тогда 51 год, значит, подоспело и моё время задуматься о себе после долголетнего служения семье. В 2009 году вступила в Союз российских писателей. А два года назад в 57 лет окончила Литературный институт, училась без хвостов и без троек, поэтому и диплом безтроешный заработала. В 2013 г. вступила в Литфонд России. Издано 6 книг, стараюсь печататься, с 2014 года начала участвовать в литературных конкурсах, уже сподобилась и огромным первым результатом – не так давно была на церемонии награждения в Государственной

Думе как призёр литературного конкурса «Дом садовода – опора семьи». Надо сказать, что тема огородничества для меня буквально родная, уж я-то хорошо знаю, как всей семьёй годами выживать на собственных овощах. А почёта, который я получила в Государственной Думе, мне до конца жизни хватит.

Если же говорить совсем честно, то в глухой глубокой провинции, когда человек находит в себе мужество кардинально изменить свою жизнь, он должен ежечасно заботиться о том, чтобы в пылу преодоления невзначай не лишиться обеих жизней, плохой старой и едва возникшей новой. Начиная же дело, опасаясь многих вещей, но когда заканчиваешь, то уже ничего не боишься.

Положа руку на сердце, не могу припомнить и двух благополучных дней за последние десятки лет: всегда возникают какие-то принуждённые преодоления – голод, холод, нужда. В полной мере это начало проявляться в пору моего вдовства, в начавшийся период вынужденного одиночества, когда воздух от тишины звенит, когда чувствуешь себя единственным уцелевшим человеком на планете, особенно зимой. Конечно, спору нет, у каждого человека свои представления о жизненных нормах. Но у меня они слишком уж запредельные. Однажды на Новый год ко мне приехали гости. В честь гостей и Нового года я очень старательно истопила печь, температуру в доме нагнала небывалую, аж до пятнадцати градусов, не пожалела ни дров, ни времени. От жары не спала всю ночь, тяжело после двух-трёх градусов тепла, когда видно, как воздух в комнате отдыхается, сразу перескочить к жару в пятнадцать градусов, – мне хотелось выскочить на мороз, да броситься с размаху в сугроб, в чём мать родила. Но чтобы не потревожить гостей, я ограничилась тем, что откинула с себя одеяло. Сквозь духоту чувствовала, что в гостевой комнате тоже не спали – кряхтели и ворочались. Наутро, когда я стала извиняться, что перестаралась с печкой и натопила лишнего, один из гостей, самый молодой и несдержанный, подскочил ко мне, и, потрясывая перед моим носом указательным пальцем, не то прокричал, не то простонал: «Мутантка! Замор-п-розила!»

Преодоления всегда давали победу. Для меня это – жизненная аксиома: полоса препятствий неизбежно переходит во взлётную полосу. Про голод говорить не приходится, он полезен в разумных пределах, поскольку, и это сугубо моё личное выстраданное мнение, голодные обмороки чреваты только одним минусом – надо успеть вовремя мягко приземлиться, когда теряешь сознание, но зато сколько плюсов! Голод даёт здоровье, надёжное и постоянное, ясность мышления, молоджавость, повышенную работоспособность, ну и красивую фигуру тоже.

Когда денег нет, а победить надо, работы тоже нет, а пенсия мизерная, то выход один – летом в тайгу по чернику, а осенью на болото по клюкву. Чудный воздух, непуганный покой обрести можно только в тайге. Медведи летом чаще всего не опасны, если год сытый, урожайный. Остерегаться надо только пришлого зверя, вынужденного переселенца, которого пожары сгоняют с родных мест. Но если при встрече с медведем вести себя против традиционной логики, то шанс убраться восвояси имеется очень большой. Главное, чтобы нос к носу с медведем не столкнуться, соблюдать правила таёжной безопасности, кричать, громко петь, не убежать в диком страхе, к примеру. Медведь – зверь очень хитрый, умный, он шума опасается, напролом вряд ли полезет, если не людоед. Первый день только страшно, а потом привыкаешь. Да и по правде сказать, комары и мошка летом в тайге будут страшнее любого зверя, даже человека. Я не мерила, но литровую банку комаров и мошки перед дождём с себя горстями собрать можно будет минуты за две. Все рассказанные таёжные приметы я не в книжках вычитала, выстрадала на собственной шкуре, когда надо было тон сыновьям задавать, чтобы они тоже на полпути не останавливались, никогда не сдавались. Литературный институт заканчивать надо было, доучиваться, коли начала. Выживать, идти вперёд, несмотря ни на что, наперекор всему. К сожалению, всё написанное мною составляет процентов десять от всей полной правды, есть вещи, о которых и рассказывать не имеет смысла, например, как лишали меня

субсидий, обсчитывали с коммунальными платежами, как унижали, как смеялись надо мной и над детьми. Это пережить надо, перестрадать. Ради будущих внуков перестрадать и выстоять. Просто выстоять хотя бы ради собственного человеческого достоинства, ради светлого будущего, которое потихоньку, но всё же, приближаясь, светлеет.

А закончить свой рассказ хотела бы небольшой смешной историей, которая при всей трагичности очень забавна. Но эта история в полной мере показывает нужность и важность моих побед и преодолений. Две недели назад я приехала домой из Москвы. Съездила за десять дней, семь из которых ушли на дорогу в поезде и автобусе, ещё два дня я потратила в Москве на адаптацию, чтобы к твёрдой почве привыкнуть, а один день я провела в Государственной Думе на церемонии награждения. Меня в Енисейске запретили печатать, но устные новости такого масштаба на месте без движения улежать не смогут, поэтому в городе простые люди уже ждали от меня отчёта о поездке. Трудно передать словами, как знакомые и незнакомые горожане рассматривали фотографии, которые я привезла, а некоторые даже плакали, руки же тряслись у всех без исключения. Потому что в нужде человеку нужна надежда на лучшую жизнь, да такая, чтобы душу грела! Особенно всем понравилась Валентина Терешкова. Мне говорили: «Надька, это она тебя за руку взяла, потому что хотела через тебя нам, сибирским женщинам, привет передать, держитесь, мол, там, бабоньки родные!» Смех и грех, но легенда уже сложилась, и, похоже, будет живучей.

Живое слово Алексея Решетова

1 место в номинации «эссе» 17 фестиваля-конкурса литературного творчества «Решетовские встречи». Апрель 2017 г.

Эссе опубликовано в итоговом сборнике лучших работ.

Когда-то давным-давно, между детством и юностью, я считала, что известность поэта равняется его таланту. И только с прожитыми годами начала осознавать, что слава, помимо других составляющих, может равняться ещё и авторской скромности в том числе. Им самим чётко очерченной позиции человеческого достоинства, глубокого самоуважения. Словно автор не то чтобы не добрался до поля зрения читателей, а сразу стал значительно выше отметки обычного внимания. Например, должен быть на уровне окна, а тотчас оказался на потолке, куда любопытный глаз не привык заглядывать.

Пример с Алексеем Леонидовичем Решетовым вообще особый. Дело в том, что на сегодняшний день существует некая несоразмерность между выдающимися творениями Алексея Решетова и читательской благодарностью. Массовый читатель в основе своей недостаточно знает этого замечательнейшего автора по одной простой причине – малом тиражировании.

Когда я получила известие о литературном конкурсе имени А. Л. Решетова, то, естественно, первым делом отправилась в городские библиотеки. В трёх библиотеках, которые я посетила, не нашлось ни одной его книги. А имя Алексея Леонидовича Решетова вообще не значилось в картотеках. Тогда я стала действовать через Интернет – и с первых строк была очарована прекрасной лирической поэзией Алексея Решетова. И смею утверждать со всей ответственностью, что стихи Решетова – одни из самых лучших, которые мне приходилось когда-либо читать, включая признанных классиков. Но, приступив к анализу творчества Алексея Решетова, поняла одну удивительную (доселе невиданную) вещь – писать о нём очень тяжело по одной странной причине: невозможно выделить что-то особенное, когда нравится всё. Глаз цепляется за каждую строчку, стараясь удержать в памяти волшебную связку слов, переплетение звуков, тихую музыку чудесной решетовской поэзии:

Заколочены дачи.
Облетели леса.
Дорогая, не плачьте,
Не калечьте глаза.
Всё на свете не вечно —
И любовь, и весна.
Только смерть бесконечна,
Тем она и страшна.

Если проанализировать лишь этот отрывок, то и он ошеломит читателя не только высочайшей техникой, но и философской глубиной, изумительной взаимосвязью живой природы с человеческими чувствами. И какая поразительная звуковая организация стиха! Не нужно иметь филологического образования, чтобы заметить, как между строк играет звук «ч», что невольно делает текст однородным, единым, монолитным как памятник. Стихотворение с множеством мыслей, которых отчего-то больше, чем слов, что так часто встречается в его лирике, где изумителен не только сказ-ситуация, но и вывод, при котором смерть, жизнь и любовь – тоже единое целое. Алексей Решетов – поэт осенний, зиму не особо жалует, вероятно, с военного своего детства – «душа и природа в предчувствии вьюг». И природа в его творчестве всегда в единении с человеком – «то злая, то добрая Кама как совесть людская была».

Алексей Решетов своим живым словом писал о любви к женщине, земле, природе, родине, служил порой эхом прошедшей великой войне, писал о детстве, поэтах и поэзии, чести

и человеческом достоинстве. Наверное, поэтому у него «светоносны женщины», «сероглазые сумерки» на «пиках еловых», «жарой опалённые, низко-низко склонились кусты», которым бы «сбросить рубашки зелёные» и «поплыть, догоняя плоты», а послемыслие от стихов похоже на живой свет, радость, бодрость, как от русской народной сказки про живую воду или волшебную радугу. Решетов – певец русского духа, русской духовной наполненности, наш национальный поэт, который всю свою сознательную жизнь преподавал читателю-собеседнику уроки высшей нравственности и любви к вечным человеческим ценностям.

Поэтические размышления Алексея Решетова о родине, человеческом достоинстве, верности слову порой уводят нас в минувшие века, настолько незыблемы его догмы о правде и чести, когда говорит он, что никогда «на рынках книжных душой своей не торговал»; и «не искал, где живётся получше, не молился чужим парусам». И к славе поэт Решетов тоже относится весьма резко и высказывается к её проявлениям довольно сурово: «а этот массовый тираж и эти званые обеды – не что иное, как мираж, и иллюзорные победы». Словом, Алексей Решетов жил и творил в лучших традициях великой русской нравственности. И, конечно же, сложно уложиться в три страницы печатного текста, когда дело касается творчества столь выдающегося поэта. Перечитывая строку за строкой, словно не ему, а себе устраиваешь экзамен, строго спрашивая себя самого: «А вот ты смог бы настолько талантливо, да чтобы ещё и честно жить и творить, хватаясь в невзгоды „лишь за соломинку с крыши родной“?»

И сразу на ум приходит вопрос: а как долго работал Алексей Решетов над текстом произведения? Ведь и проза этого автора тоже необычайно хороша. Например, его лирическая повесть «Зёрнышки спелых яблок», воспоминания о военном детстве. Думаю, что, несмотря на лёгкость чтения, плавность и естественность изложения, создавать произведение было всё же трудно, ведь писал взрослый человек от имени ребёнка, а восприятие окружающего мира в этих случаях совершенно разное. Автору, вероятно, приходилось каждый раз полностью погружаться в то военное время, заново присматриваться к стёршимся деталям, тем самым добавляя болезненные шрамы в сердце к уже прожитому и, казалось бы, пережитому. Конечно, кто голодал и замерзал, голод и холод никогда не забудут, но и карябать старые болячки тоже не особо приятное занятие. Но написать об этом Алексею Решетову было обязательно нужно, поэтому и вышла повесть столь яркой и полновесной, поскольку писалась от души со всей силой отмеренного ему Богом таланта. Правда жизни, любовь к родине, человеческая честность и подлость, любовь ко всему миру, нежность, теплота или чёрствость, крохи добра в страшное военное время – вот стержневые составляющие повести «Зёрнышки спелых яблок». А её основные герои – Лёнька и Петька, их сотоварищи, бабушка, хлеб и чудесное мороженое, Мариша, фотограф, художник, корзина-автомобиль, карандаш, одеяло-море, пёс Индус, коза Марта и, конечно, голод и холод. И в противопоставлении им персонажи отрицательные с поступками, которых надо бы стыдиться – дворник и прочие, которые упомянуты вскользь, не на переднем плане, а при наведении яркости на чудо добра и любви. И в повести, как и в стихах, сверкают авторские искры таланта: «И тёмное Маришино лицо падает в ладони»; «Я думаю, – усмехнулась бабушка. – Воду туда не добавляют... Государство...»; «А повариха тётя Оня – сварливая, толстая. Подбородок у неё как туго набитый кошелёк»; «Ах, эти слова: секрет, тайна, загадка. Как бешено колотится от них детское сердце! О, пытливость бесчисленных „почему“! О, эта рассеянность: незавязанные шнурки, рубашка, надетая наизнанку... Какими похожими делаете вы детей и великих учёных! И не тот ли открывает фарфор и новые звёзды, кто на всю жизнь сумел в душе остаться ребёнком?...». Разумеется, в повести присутствуют и приметы военного времени, которые тем сильнее, что подаются через детский патриотизм, голодные Лёнька и Петька сдают заработанные ими деньги на подводную лодку «Пионер»; это и собрание в доме бабушки – сбор тёплой одежды на военные нужды.

Читая Решетова, жить легче. И как бы хотелось знать об авторе больше, искренне жаль, что до рядового читателя, как и я в том числе, дошло столь ничтожно мало каких-либо сведе-

ний. Лишь скупые биографические строки. Хотя главное всё же понятно из его творчества, что так погоже и проникновенно мог писать лишь человек твёрдых устоев, много переживший, потерявший родных людей. Отсюда и сердечная нежность, честность, порядочность, бережность к слову – о настоящем автор писал по-настоящему. Заметна и некая отстранённость от корыстного, сиюминутного, суетного. В последние годы задумывался о смерти, о Боге. Удивительный, редкий человек ещё и личными нравственными качествами.

Со мной в Литературном институте учился парень, москвич, который, если хотел похвалить произведение, говорил: «Я бы купил». Вряд ли мне так когда-нибудь повезёт, чтобы я смогла в ближайшем будущем увидеть в продаже произведения Алексея Решетова. Но лукавить тоже не хочу – при малейшей возможности постаралась бы книгу выпросить. Если бы и тут не вышло, то украла бы. У всех на виду без зазрения совести положила бы книгу себе за пазуху при всей своей ничем доселе незамутнённой честностью. Оно того стоило бы. И уверена, что была бы понята. Многими читателями

Мой долгий путь к пониманию Шукшина

Межрегиональный конкурс творческих работ «Мой Шукшин». 2 место в номинации «эссе». Октябрь 2015 г.

Эссе опубликовано в итоговом сборнике лучших работ.

В семидесятые годы наши пути с Василием Макаровичем Шукшиным часто сближались, но не пересекались. Я тоже родом с юго-восточного Алтая, моя однокурсница из Сросток Людмила Краснова была соседкой матери Шукшина Марии Сергеевны, имелись в то время и другие общие знакомые, но все предложения познакомиться с Шукшиным я категорически отвергала. К своему безграничному стыду должна признаться, что в пору его раннего становления я творчество Шукшина крепко ненавидела. Он ведь писал открыто и просто о сокровенном, обнажал, не стесняясь, самые потаенные уголки души деревенского человека. Мне это не нравилось, да и не мне одной. Короче, считала я его чуть ли не предателем. Сейчас это понять трудно, а тогда я стыдилась своего деревенского происхождения, и путь мой к принятию образа мыслей Шукшина был долгим и тернистым.

Отчётливо помню до сих пор, как моя однокурсница Люда Краснова с восторгом рассказывала о творчестве Василия Макаровича, она вообще нескончаемо могла говорить о нем. Когда в Бийске настали съемки фильма «Печки-лавочки», Людмила стала меня упрашивать:

– Надя, давай я познакомлю тебя с Василием Макаровичем, в массовках у него снимаюсь...

Я была по горло занята важными делами, поэтому отказалась.

Людмила обиделась, а мне поделом, и вспомнить ведь даже не могу, как ни старалась, что за «значимые» дела меня тогда столь сильно обуяли.

И вот через годы я вновь вплотную приблизилась к тому, от чего раньше столь яростно отказывалась. Мне очень захотелось взглянуть на село Сростки, взрастившее великого писателя, прикоснуться к истокам становления Василия Макаровича как творческой личности, и после новогодних праздников я купила билет на поезд и отправилась в путь. Через сутки я уже доехала до Бийска, а потом рейсовый автобус, следующий до Онгудая, домчал меня по Чуйскому тракту до Сросток минут за двадцать.

Над Сростками, за южной околицей, возвышается гора Пикет, лысая сопка с кладбищем почти у самого ее основания и березовыми колками вразброс по склонам. На самой вершине Пикета установлен восьмитонный бронзовый памятник Василию Макаровичу. Босногий Шукшин в одиночестве, как и часто при жизни, задумчиво взирает с возвышенности на родное село, словно продолжая нести людям незыблемые догмы Правды, напоминая о законах Совести и Нравственности. Впечатление от памятника, вне всяких преувеличений, ошеломляющее. Чувствуешь себя словно в гостях у живого Шукшина. Настоящий Шукшин жил здесь, в Сростках, здесь произошло его становление, а в Москве он лишь реализовывал свои творческие планы.

После знакомства со Сростками, школой, музеями, появилось ощущение горьковатой печали от сознания, что потеря Шукшина, этакой глыбы таланта в сочетании с глубокой духовностью на самом деле куда значительнее, чем чувствуешь в обычной жизни. Свидетельства многогранности его дарований, собранные воедино, показывают, что пока здравствующий Шукшин ставил кинокартины, писал рассказы, отстаивал и доказывал свою жизненную правду, а читатели и зрители разбирались в своих восприятиях его книг и фильмов, то мужик попросту надорвался, угробило его людское равнодушие и неприятие.

Обратную дорогу домой я почти не заметила, она вся пробежала в раздумьях о Шукшине, его творчестве. Конечно, и это вне всяких сомнений, особенно мне близки его «Печки-

лавочки» и «Калина красная», – истории деревенской, зековской, словом, человеческой жизни. Так сложилось, что одну треть своей жизни я прожила в алтайской деревне, а две других – на севере, в тайге, среди зон и бывших зеков, которым после окончания их сроков зачастую некуда податься, поэтому очень хорошо знакома с особенностью людских характеров как в «Печках-лавочках», так и в «Калине красной».

На первый взгляд «Печки-лавочки» и «Калина красная» – очень разные, но на самом деле это далеко не так, потому что они объединены размышлениями о жизни, о чести и человеческом достоинстве, о совести, благородстве, о взаимоотношениях людей, о деревне и городе, о свободе и воле, то есть подняты темы вечных ценностей. Они как две ступеньки одной лестницы, по которым Шукшин постепенно поднимался в своём творчестве. Я их даже не могу рассматривать по отдельности, а только в единстве или сравнении. Деревенские мужики Иван Расторгуев и Егор Прокудин также имеют много общего в своих характерах, они изначально генетически объединены любовью к родной стороне, собственными рассуждениями о жизни, могут приврать, далеко не простаки, имеют силу физическую и нравственную, порой столь глубоко ими запрятанную и хранимую, что и не сразу разглядишь.

Не могу отделаться от ощущения, что передо мной находятся сразу два Ивана Расторгуева. Первый Иван – деревенский, работающий, простой, весь как на ладони, он может выпить и прихвастнуть. А второй Иван – это философ, сложный, глубокий, думающий и понимающий, совестливый, любящий, переживающий за судьбу деревни, её настоящее и будущее. Ту же цельность и сложность характера, её не только видимую, но и запрятанную глубоко часть, имеет и Егор Прокудин. Вор-рецидивист с жёстким взглядом, не обладающий ни одним хорошим воспоминанием, поскольку даже в детстве уже знаком с настоящей нуждой, довольно часто открывается с иной стороны, и видится задушевным, думающим, сложным, со столь сильно упрятыми внутри совестью души, сердечностью, а иногда и растерянностью перед судьбоносным решением. Его душа, как и у Ивана Расторгуева, тоже страдает, любит, мучается. Несмотря ни на что, всё же это два мужика, два крестьянина, которые могут плакать, смеяться, жить по своим принципам. Их главное различие в том, что Иван Расторгуев живёт собственной жизнью, как ему предназначено, а судьба Егора Прокудина дала искривление, как покалеченное молнией дерево в лесу, и тут уж ничего не поделаешь, приходится и дальше жить с искривлённым стволом. Я бы «Печки-лавочки» и «Калину красную» объединила под одной темой, назвала бы историями о совести человеческой души. Создавая их, Шукшин на десятилетия обогнал своё время, поэтому они актуальны и в нашу сложную пору, именно поэтому они были дискуссионными в момент создания, да даже и сейчас вызывают множество совершенно разных откликов, не порождая лишь одного – равнодушия. Творчество Шукшина нельзя рассматривать в сравнении с тем, к чему мы давно привыкли, к каким произведениям нас приучили, нельзя мерить его достижения привычными мерками современного искусства, поскольку он вырвался чрезмерно вперёд, куда нам ещё предстоит донести своё сознание.

Ивана Расторгуева и Егора Прокудина роднит и ответственное отношение к слову. Оба они не спустят обиду, оба не пропустят в свой адрес даже одного не понравившегося им слова. Оба понимают, что нечаянно оброненное слово может изменить жизнь, а то и может запросто отнять её. Оба пойдут ради высоких принципов на всё и до конца. Их также объединяет и мечта о лучшей жизни, тяга к празднику. Хотя понимают, что достигнуть праздника души совсем не просто.

Ивана Расторгуева на протяжении его киноистории все встречные и поперечные люди пытаются поучать, учить жизни. Но заметно и другое – его трудолюбие и силу кормильца, который кормит своим трудом не только семью, но и городской народ. И возникает зрительское сомнение – кто у кого должен учиться – ещё большой вопрос, и в общем-то порой становится совсем уж не смешно. Происходит столкновение действительного и должного, потому что появляется мысль, которая не отступает от Ивана, как его тень, она молча кричит, что

к кормильцу народа относиться надо с большим уважением и почтением, и это одно из основных авторских пожеланий.

В алтайских деревнях жители могут лепить правду в глаза, когда их и не просят об этом, откровенны, чистосердечны. И Шукшину это качество удалось довольно ярко воплотить в «Печках-лавочках» и «Калине красной», как, впрочем, и в «Калине красной» – характеры зеков. Я встречала среди бывших зеков людей справедливых, сильных, со своеобразным кодексом чести, но видела порой и подлых, озлобившихся. И заслуга Шукшина также ещё и в том, что он один из первых обратил внимание на проблемы людей, вышедших на волю. Хотелось бы добавить к своим размышлениям для полного анализа «Калины красной», что на Алтае к предателям, к ворам-арестантам относятся совсем уж очень жёстко, может быть, это было одной из причин запоздалого возвращения Егора Прокудина на родину. Вряд ли столь сильный человек не понимал, что матери он мог принести только позор своим появлением. Его мучения, слёзы раскаяния, страдания – легко объяснимы именно с этой точки зрения. И последний штрих к анализу обеих картин. Просматривая фильмы Шукшина, замечаешь, что у него запечатлена в них своеобразная человеческая красота – автор стремится показать мозолистые руки, документально изобразить старость с её морщинами и слабостью, предпочитает снимать людей в работе, либо на отдыхе, но с песнями, коллективно, с праздничным застольем. Шукшин жил в народе, и остался в памяти тоже народным писателем, народным режиссёром и народным актёром.

Я не единственная, кто раньше отрицал, а теперь стремится постичь творческую природу Шукшина, возможно, людям сейчас нестерпимо хочется знать, а что же в сущности с нами со всеми в настоящее время происходит? Почему мир вокруг нас неизменно становится жестче и бездуховнее, почему наша жизнь наполняется завистью и злобой, почему исконные человеческие ценности стали измеряться лишь в денежном эквиваленте? Мы соскучились по чистоте и искренности, нам не хватает шукшинских откровений и раздумий, ведь он всю жизнь нес в душе прекрасный мир простого человека. «Я же люблю вас, гады!», – этими сокровенными словами отражал он от себя несправедливые нападки, когда ему было особенно тяжело и скверно. Может быть, именно потому, что нам теперь жить так худо, стали мы еще сильнее тянуться к истокам его творчества, чтобы начать жить по-другому, но как именно, мы еще не решили и достоверно пока не знаем. Но то, что хотим жить по-другому, это уж точно.

Фёдор Иванович Тютчев – мыслитель Мироздания

**Международный литературный тютчевский конкурс «Мыслящий тростник».
Номинация «философское эссе». Шорт-лист. Август 2017г.**

О Тютчеве написано так много, что, естественно, возникает вопрос, а можно ли ещё что-нибудь добавить в эту грудку мнений? Думаю, что не только можно, но и нужно, поскольку у нас у каждого свой Тютчев. И не сомневаюсь, что к его творениям будут обращаться и через десятки и сотни лет, открывая новые грани и новые темы для исследования. Поскольку, на мой взгляд, к изучению Тютчева как мыслителя ещё по-настоящему и не приступали. Пронумеровали стихотворения подобно специальной комиссии, составляющей инвентарную опись, да прошлись весьма поверхностно, выражаясь простым языком, по ширине его публикаций. Но остались неисследованными бездонная глубина мыслей, смахивающая на природный животворящий источник, и неизмеримая вселенская высота, потому что Ф. И. Тютчев не только великий поэт, как его сплошь и рядом привыкли именовать, он – мыслитель Мироздания. Не философ, как принято утверждать, а именно мыслитель. И это разные понятия, если вдуматься. В современном понимании философом может быть и полуграмотный старичок из крохотной деревеньки, которая прилепилась к самому краю света. Лишь бы у него имелаась «любовь к мудрости», якобы приходящая со старостью. Этого старичка можно очень легко себе представить: сидит в подшитых пимах на полуразвалившейся завалинке июльским вечером посреди повальной разрухи и философствует о крепости самогонки и соседской козе Катьке. Тютчев же был высокообразованным, грандиозным мыслителем, который на века обогнал своё время. Точнее, это человек вне времени и пространства. И вне общепринятых поведенческих основ. И его поэзия – высокохудожественное средство выражения мыслительной деятельности. Например, кто написал эти строки о России, поэт или мыслитель?

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья —
В Россию можно только верить.

Да. Исключительно мыслитель, который и сейчас современен. С мыслями великими и глубокими. Поскольку приведённое четверостишие – краткий вывод, итог огромной мыслительной деятельности, изложенной в поэтической форме. Вкупе с непостижимой концентрацией мысли – четверостишие включает в себя всего семнадцать слов, но которые вполне могут заменить толстенную книгу банальных рассуждений о судьбе России.

К сожалению, всё творчество Тютчева уже разделено на общепринятые аспекты, и выглядят как анализы на медицинском бланке: тема любви, тема природы, хаос, символика ночи. А наследие Тютчева невозможно изучить ни по темам, ни по периодизациям. Он особенный. Да. Именно особенный. Как раз по той причине, что Тютчев – мыслитель Мироздания. Чтобы было понятно моё отрицание ошибочных, но общепринятых конструкций, приведу классический пример с другим выдающимся писателем – Платоновым. Великое множество раз мне приходилось читать в уважаемых научных источниках, что Платонов писал о социализме. Это не совсем так, потому что Андрей Платонов – певец смерти. Он без малейшей брезгливости и тени страха напряженно вглядывался в процесс тления, в смерть, и она тоже притягивала к себе его внимание со страшной силой. В особенности Платонов рассматривал смерть в единении с жизнью и любовью, не подразделяя их на отдельные части. А тема социализма – канва, общий фон, не более того. Взять, к примеру, его «Котлован» – смерть, жизнь и любовь в абсолютном единстве: никому и в голову не придёт целовать в губы мёртвую женщину, вспоминая их прижизненный вкус, тем более писать об этом. Или сборник военных рассказов, где

на каждой странице автор пишет о смерти, и гибнут не только люди, но умирает всё, к чему прикоснётся его перо, к примеру, степная былинка. Буквально каждая страница несёт платоновские мысли о смерти, то есть, именно то, что его по-настоящему волнует. Нечто подобное происходит и с Тютчевым. Любое его стихотворение – толчок мучительной мысли автора. Закончил обдумывать одну мысль, записал её в стихотворной форме, – перешёл к следующей. Но, в отличие от Платонова, у Тютчева – огромное разнообразие мыслей: о жизни, свободе, смерти, тревогах «мыслящего тростника», который «слабейшее из творений природы», – о его месте в Мироздании. И зачастую прекрасные живые и звуковые пейзажные зарисовки у Тютчева – это тоже проводники, фон и зацепка для развития его тревожной мысли о ропшущей душе «мыслящего тростника». Через природные образы – воплощение нескончаемой думы о слабом человеке, что выглядит своеобразной переключкой с другим величайшим мыслителем Вселенной – Блезом Паскалем:

Невозмутимый строй во всём,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаём.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа поёт не то, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Чтобы сориентироваться в творчестве Тютчева, нужно для начала уяснить, что, во-первых, он – мыслитель огромного вселенского масштаба. А, во-вторых, – Мироздание само его выбрало, наделило особыми талантами и дозволило черпать из общего источника мировой мудрости. И, в-третьих, Тютчев придал мысли живую красоту, художественность, смелый проникновенный лиризм, сжатую энергию, краткость и внутреннюю свободу.

Со школы помню, что Фёдора Ивановича Тютчева всякий раз именовали великим русским поэтом. Не спорю. Да, он великий русский поэт в том числе. И наверняка в анкетной графе на вопрос о национальности прописано – русский. Но так ли это по факту реального положения дела. Ведь и другие народы его тоже могут почитать как своего представителя, – к примеру, Тютчев общался, думал, писал письма, переводил на французском, как на родном языке. Он двадцать с лишком лет прожил в других государствах. Россию, безусловно, болезненно любил и выделял, справедливо полагая её мировым лидером. Но его мыслительная деятельность охватывала множество иных, скажем, общеевропейских проблем по роду... ну хотя бы профессиональной деятельности. И его разум занимали темы, касающиеся не только отдельной личности, определённой страны, какого-либо одного природного явления, – круг его интересов невероятно обширен – он мыслил глобальными категориями. А самого себя он называл «верным сыном» «матери-Земли». Чтобы понять мою мысль, нужно ответить на вопрос: а какая, к примеру, национальная принадлежность Юрия Гагарина? Ответ до чрезвычайности прост – тоже землянин. Искренне надеюсь, что через двести лет в учебниках истории не напишут, что Юрий Алексеевич Гагарин – великий русский космонавт. А Моцарт? В особо тяжёлые минуты слушаю Божественную музыку Моцарта. Не музыку представителя Венской музыкальной школы, не австрийскую музыку великого композитора, а Божественную музыку Моцарта. И мне думается, что Блез Паскаль. Моцарт, Гагарин и Тютчев – почётные граждане Мироздания. Вселенная толково избрала нужных ей людей, чтобы именно через них реализовать грандиозные продвижения в другие эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.